

**ДЕТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК  
МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКОГО  
СТАНОВЛЕНИЯ  
ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ  
КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

В культурологическом дискурсе детская культура рассматривается как уникальное явление, ставшее сущностно-смысловой характеристикой и результатом жизнедеятельности детского сообщества. Посредством ее реализуются важнейшие потребности детей, формируется их целостный жизненный опыт, осуществляется духовное развитие подрастающего поколения. Проблема детства находится в центре внимания государственной демографической политики КНР. Постановлением ЦК Компартии Китая «Среднесрочный и долгосрочный план развития молодежи (2016–2025 гг.)» предусматривается создание упорядоченной и благоприятной среды для детей, чтобы они могли быть здоровыми и развиваться в соответствии со своими специфическими характеристиками. Пристальное внимание Коммунистической партии и Правительства Китая к детской популяции обусловлено рядом факторов. Во-первых, дети в КНР, согласно национальной переписи 2010 г., насчитывают 221 322 621 человек, что составляет 16,6 % населения [1]. Во-вторых, основой новой демографической политики, принятой в 1980 г., стала концепция «Одна семья – один ребенок». В-третьих, детство является важным этапом гражданского становления человека. На этом отрезке жизни происходит интенсивное духовное освоение мира, эстетическое восприятие его сущности, передача накопленного предшествующими поколениями культурного опыта. В-четвертых, дети – это будущее китайского общества. По мнению заместителя директора Исследовательского центра китайской молодежи Лю Цзюньяня (刘俊彦), подрастающее поколение – это барометр эпохи, если не понять его, то невозможно разобраться и в эпохе. Молодые люди являются лучшим отражением нашего будущего, поэтому целью воспитания и образования детей в КНР является формирование идеального человека, благородной совершенной личности, которая в своей жизни на первое место будет ставить чувство долга перед обществом [2].

Важнейшие социально-личностные качества будущего гражданина китайского общества начинают складываться в рамках детской субкультуры, являющейся многогранным и динамичным образованием, которое занимает относительно самостоятельное место в общей системе культуры. Детская субкультура отличается особым культуротворчеством, наличием образно-знаковой системы, ценностей, обычаями и нормами жизнедеятельности детей. Белорусский культуролог Д. А. Смолик считает, что при исследовании современных обществ следует выделять детей в отдельную группу, имеющую свою культуру – «обычай и традиции, отражающие их проблемы и надежды, их индивидуальность и творческую деятельность» [3, с. 170]. При определении понятия «детская субкультура» Д. А. Смолик среди ее компонентов называет и

особую картину мира, которая не только порождает особенности поведения, сознания и деятельности детей, но и сохраняет элементы различных исторических эпох, архетипы коллективного бессознательного, зафиксированные в мышлении, игровых действиях, детском фольклоре и языке.

Исследование субкультуры китайских детей свидетельствует о том, что ее субъекты имеют собственный язык общения, который отличается особым синтаксическим и лексическим строем, образностью, зашифрованностью. На важность языка как обязательного компонента детской субкультуры указывает М. Е. Гудман, подчеркивая, что «язык является неотъемлемой частью детской культуры, даже единственной основной частью» [4, с. 114]. Китайский лингвокультуролог Ли Минью полагает, что «процесс индивидуального развития ребенка в определенном смысле является процессом постоянной символизации. Развитие детского языка есть наиболее очевидное проявление этого процесса символизации» [5, с. 9]. Всякий естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Являясь конституирующей когнитивной способностью ребенка, язык отражает детский опыт по взаимодействию со средой и именно такой объективированный в языке опыт в своей совокупной целостности образует языковую картину мира.

Субкультурные формы играют немаловажную роль при овладении детьми содержанием человеческого бытия. Чаще они выражаются в форме вопросов на темы превращения обычного в необычное, предполагают выход за рамки обыденных причинно-следственных связей. Вопросы служат средством расширения детского сознания, создают такую ситуацию, в которой необходим творческий поиск. Эти явления Тань Аошуан называет «детским философствованием», т.е. размышлением детей о природе, жизни, космосе, добре, зле и многом другом. Размышления, по ее мнению, носят преимущественно косвенный характер, но все же, во многом создают ту самобытную картину мира, которая рождается в их сознании. Обычно эта картина объединяет в себе все необходимое и случайное, общее и частное, реальное и вымышленное. Она не столько упорядочивает действительность, сколько формирует вопросы, разрушая очевидное [6, с. 54]. Эти представления детей о мире находят отражение в языке детской субкультуры на определенном этапе их развития. В гуманитарном дискурсе представления принято именовать детской языковой картиной мира. Она не равна когнитивной, которая значительно шире, поскольку в языке названо только то, что имело или имеет для детей коммуникативную значимость. Это специфическая для детской субкультуры схема восприятия действительности, сложившаяся в обыденном сознании детской популяции, отраженная в языке совокупность представлений о мире.

Процесс овладения языком у ребенка продолжительный и сложный. В ранний период развития, считает китайский психолог Гуй Шичунь, дети о своих потребностях сообщают через первоначальное общение на «языке тела», выражая дискомфорт, голод, боль через плач, посредством обмена взглядами, счастливыми или грустными. Через пять или шесть месяцев ребенок переходит на стадию журчания, он издает серию звуков, повторяя ритм и тон. Позже у него формируется определенный порядок освоения звуковых сег-

ментов. Приобретение им гласных происходит от гласных средних частот до постгласных. Согласные противоположны: мягкое арпеджио (из-за глотательного действия), за которым следуют десны и двойная губа (из-за всасывающего действия), и, наконец, жевательная резинка и вибрато [7, с. 14].

Китайский язык в значительной степени отличается от европейских языков. В нем нет букв и окончаний, все зависит от порядка определения взаимосвязи между каждым словом в предложении, а также функции каждого слова в предложении. К одному году дети уже могут произносить отдельные слова, в основном существительные, обозначающие близкие им имена людей, животных, с которыми они встречаются в течение дня, например, «папа», «мама», «котик» и т.д. На этом этапе вхождения ребенка в языковую картину мира большое значение имеет семья. Обучение языку и воспитание языковой культуры всегда было в центре внимания китайской семьи. С момента рождения ребенка практиковалось непосредственное вербальное влияние на него посредством народных методов. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в традиционной китайской практике обучения языку было принято разговаривать с новорожденным с первых дней его жизни, ибо считалось, что это содействует быстрейшему усвоению лексического запаса, и, соответственно, быстрому овладению разговорной речью. Популярной в китайской семье является метод демонстративной антропотехники. Находясь практически все время с родителями и другими взрослыми членами семьи, дети не только пополняют словарный запас и учатся владению им в тех или иных жизненных ситуациях, но осваивают правильное интонирование, постановку акцентов, способы вербального выражения экспрессии. Исследование показывает, что полуторалетний ребенок при таком уровне общения с членами семьи может назвать десятки часто используемых слов, а к двум годам он усваивает сотни слов.

Эффективным, как показывает практика, является метод наглядного усвоения языка. Ребенку указывают на предмет, называя его, затем предлагают либо показать на него самостоятельно, либо повторить слово. С помощью данного метода происходит не только увеличение словарного запаса, но и усвоение орфоэпических норм языка. Вследствие этого у детей старше трех лет в активном словаре уже может быть свыше 1000 слов.

С возрастом дети все больше стремятся к общению. Рост коммуникативных намерений, на наш взгляд, является одним из факторов языкового развития, дети в процессе взаимодействия со сверстниками постепенно формируют особую культурно-языковую картину мира, сущность и содержание которой определяются собственной рецепцией природы, общества и человека. Для индивидуальных детских фантазий характерен мотив переноса ребенка из пространства дома в иной мир. Этот мотив находит свое воплощение в словотворчестве. Детское словотворчество занимает значительное место внутри детской субкультуры. В попытках словотворчества дети пытаются выделить свою уникальную речь из речи взрослых. Словотворчество является средством обособления детей, их призывом к творческому единению с взрослым. Занимаясь словотворчеством, считает Н. Б. Подвигина, дети дела-

ют слово более живым и предметным, гибким и пластичным, вбирающим в себя все возможные оттенки его значения. Дети освобождают силу, свернутую в лингвистических и грамматических нормах языка. Можно сказать, что они дарят языку жизнь в культуре, не позволяя ей омертветь [8, с. 38]. Именно эта особенность обеспечивает огромные возможности языка, которые не ограничиваются профессиональными литературными текстами. В словотворчестве дети бессознательно раскрывают резервный потенциал родного языка, скрытый для большинства взрослых.

В процессе общения дети придумывают «тайные языки», которые не доступны пониманию взрослых или других детей, не посвященных в игру. Например, к каждому слову дети могут прибавлять какие-либо приставки или окончания. Дети более старшего возраста пользуются в устном общении особым сленгом, а в письменном – специально разработанной тайнописью. Все это свидетельствует о стремлении детской субкультуры к автономизации.

Таким образом, овладение детьми языком, этим уникальным пластом их субкультуры, стимулирует развитие подрастающего поколения как активного субъекта, творца, полноценного члена детского сообщества. Поэтому важным является понимание и признание обществом особенностей детского языка и его значения в жизни детей, уважение их права на языковую интерпретацию. Кроме того, усилия взрослых должны быть направлены на усвоение детьми языковых норм. Это происходит путем постоянного включения детей в ситуации диалогического общения и демонстрации нормативного образца речи.

По своему источнику детская субкультура представляет собой своеобразное проявление внутренних потенций ребенка, его творческих устремлений. Выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский, обращая внимание на творческую деятельность детей, отмечал: «Я тысячу раз убеждался, без поэтической, эмоционально-эстетической струи невозможно полноценное умственное развитие ребенка. Сама природа детской мысли требует поэтического творчества» [9, с. 39].

Детство и творчество – понятия неразрывные. В творчестве и через творчество происходит усвоение детьми социокультурного опыта, что в еще большей степени проявляется в культуротворчестве, особенно в художественной культуре (изобразительное искусство, литература, музыка и т.д.).

Одним из выразительных видов художественной деятельности является музыкальное творчество. С помощью музыки дети могут выразить свое настроение, вызванное радостью или грустью, которые тесно переплетаются и находят свое проявление в исполнении произведений тех или иных композиторов. Раннее вовлечение детей в исполнительскую, а не только «воспринимающую» деятельность, по мнению Б. М. Теплова, очень полезно для общего их эстетического развития [10, с. 127].

Важной составляющей частью художественной культуры Китая является вокальная и инструментальная музыка, впитавшая в себя элементы традиционной народной культуры, идеи передовой китайской интеллигенции и новации западной культуры.

Духовный рост личности подрастающего поколения всегда был в Китае приоритетным в воспитании и образовании. Средствами различных видов

искусства, считает Ван Гуанхуа, закреплялись основные нравственные качества личности – любовь к Родине, добросовестность, почтительность к родителям, трудолюбие, уважение к старшим, человеколюбие и др. [11, с. 11]. Целью современного образовательного процесса в КНР является вооружение подрастающего поколения не только естественными и социально-гуманитарными знаниями, но и передача детям духовных ценностей традиционной культуры китайского народа. Высшей ценностью у китайцев на протяжении тысячелетий была Родина, образы-символы которой юные китайцы начинают эмоционально постигать с дошкольного возраста, а затем овладевают спецификой музыкального воплощения этих образов на уроках музыки в школе. Так, образ струящейся воды в народных песнях «Отражение луны в двух источниках» и «Осенняя луна над спокойным озером», с одной стороны, обозначает искренность и чистоту, а с другой – символизирует Родину. Таким образом, на примере исполнения этих и других народных песен, используя ассоциативное мышление, дети постигают азы национально-патриотической идеи, раскрываемой через знакомые художественные образы.

Исследование системы художественного образования и воспитания в Китае показывает, что введение детей в систему ценностей, общезначимых для китайского сообщества, начинается уже в начальной школе. По мнению Янь Чжэн, одной из целей начального образования является привитие младшим школьникам «высоких образцов различных жанров китайского искусства: народной песни, инструментальной музыки, фрагментов китайской оперы, в которых органично сочетаются художественный и нравственный аспекты» [12, с. 68]. В связи с этим, музыка на начальной ступени образования является одним из важнейших предметов. Это обусловлено тем, что музыкальное искусство издревле в Китае воспринималось не просто как подражание природе, но, прежде всего, как способ воздействия на природный мир, средство нравственного воспитания человека. Для китайцев музыка была самым непосредственным и полным выражением не только гармонии мировых стихий, но и высокой миссии человека дополнять и приводить к завершению работу небесных сил. Конфуций считал музыку внутренним образом ритуала, началом духовного совершенствования. Звуки музыки, по его мнению, передавали красоту и величие природы, а также гармонию картины мира [13, с. 271]. Вследствие этого, отношение к музыкальному искусству в Китае всегда было эстетизированным.

Особенность младших школьников заключается в том, что они способны тонко чувствовать художественный образ, ценить красоту музыкального произведения, ощущать его энергетику. Именно на этом уровне эмоционального воздействия происходит вхождение личности в пространство музыкального искусства. Исследования, проведенные в ряде начальных школ Пекина, показали, что уроки музыки являются любимыми у 17 % опрошенных [12, с. 69]. На уроках пения, которое является основой китайской музыкальной культуры, активно используются фольклорные песенные жанры *хаоцы* (групповые трудовые песни) и *шаньге* (одиночные). Жанр *хаоцы* больше рекомендуется младшим школьникам, так как он наиболее понятен, легко запоминается благодаря интонационно-мелодическим оборотам и куплетной

форме. Приобщение к жанру *шаньге* происходит в основном в старших классах, поскольку эти песни характеризуются глубоким внутренним контекстом, допускающим даже некоторую импровизационность исполнения. В рамках учебной программы ученики начальной школы знакомятся с произведениями китайских композиторов, в сочинениях которых присутствуют прямые заимствования мелодий песен малых народностей Китая: «Народные песни провинции Юньань» Шена Чуансина, «Народные песни восточных монголов» Сана Туна, «Пять народных песен провинции Цзянси» Дуна Вэй Цызе, сюита для фортепиано «Шаньдунские обычаи» Цуй Шигуана и др. [12, с. 70].

В ряде школ Китая учащихся учат играть на традиционных музыкальных инструментах, например, таких как *кунчжу* (бамбуковая катушка), впервые появившаяся 1000 лет назад в северных провинциях страны. Сначала инструмент использовался в императорском дворце, потом проник в народную среду и стал одним из самых популярных. Во время «Дней китайского нематериального культурного наследия» проводятся состязания среди юных исполнителей на кунчжу. Освоение народных музыкальных инструментов обусловлено тем, что тембровое богатство музыкального искусства, прежде всего, связано с фольклором. Тембр и колорит вытекают из звуковых возможностей народных музыкальных инструментов, материализующих идеальные звуковые образы, обогащающих реальный звуковой мир и формирующих новые музыкальные представления. В связи с этим, в музыкальном образовании Китая довольно широко используются народные инструменты. С юного возраста китайцы осваивают игру на многих народных инструментах: *бубен-дан, гучжэнь, дугар, пипа, раван, сатар, тамбур, эрха* и др. В современной китайской музыке ценится красочность звучания каждого инструмента, соответственно, оркестр или ансамбль составляет не единое целое, а сумму тембровых и колористических индивидуальностей. В художественных учебных заведениях Китая любительская игра на народных инструментах является обязательной на первом из уровней обучения.

Таким образом, можно констатировать, что творчество детей от самых своих истоков и до настоящего времени в Китае воспринималось как важнейший механизм их эстетического воспитания. Оно оказывало и оказывает существенное влияние на их развитие и уровень духовного роста. Субъекты детской субкультуры широко демонстрируют возможности художественного творчества в своей деятельности.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Детское население Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.cn>. – Дата доступа: 02.12.2019. – (Кит. яз.).
2. 青年与青年社会组织—中国青年社会组织发展状况研究报告 / 刘俊彦编著. — 北京: 中国青年出版社: 2014. — 269 页. = Молодежь и молодежные общественные организации : исследовательский отчет о развитии китайских молодежных общественных организаций / под. ред. Лю Цзюньянь. – Пекин : Кит. молодежн. издат. дом, 2014. – 269 с.
3. Смолик, Д. А. Детская субкультура: определение и содержание / Д. А. Смолик // Наука о детстве : современные психолого-педагогические проблемы : Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4–5 декабря 2003 г. / отв. ред. Н. В. Литвина. – Минск : БГПУ, 2003. – С. 169–171.

4. *Goodman, M. E.* The Culture of Childhood : Child's-Eye Views of Society and Culture / М. Е. Goodman. – New York : Teachers College Press, 1970. – 317 p.
5. *Ли, Минъю.* Развитие детского языка / Ли Минъю. – Ухань (Хуажун) : Изд-во. Педагогич. ун-та пров. Хунань, 1995. – 76 с. – (Кит. яз.).
6. *Тань, Аошуан.* Китайская картина мира : язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
7. *Гуй, Шичунь.* Новая психология / Гуй Шичунь. – Шанхай : Преподавание иностранных языков в Шанхае, 2000. – 141 с. – (Кит. яз.).
8. *Подвигина, Н. Б.* Языковая картина мира / Н. Б. Подвигина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2009. – № 3. – С. 31–42.
9. *Сухомлинский, В. А.* Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – Минск : Народная асвета, 1982. – 286 с.
10. *Теплов, Б. М.* Психология музыкальных способностей / Б. М. Теплов. – М. : АПН, 1997. – 340 с.
11. *Ван, Гуанхуа.* Основные тенденции развития народного образования Китая после революции 1949 года : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Ван Гуанхуа ; Казанский гос. пед. ун-т. – Казань, 1998. – 26 с.
12. *Янь, Чжэнь.* Содержание и виды организации музыкальной деятельности на уроках музыки в начальной школе Китая / Янь Чжэнь // Печатковая школа. – 2009. – № 2. – С. 68–70.
13. *Конфуций.* Луньей. Суждения и беседы / Конфуций. – М. : Феникс, 2005. – 560 с.